

значительно более изолированы друг от друга, чем в сильнее развитой в экономическом отношении южной части страны.

Тоскский диалект подразделяется на собственно тоскский (речь преобладающей части районов юга Албании), лаберийский и чамерийский говоры, различия между которыми в сущности сравнительно невелики. Еще меньше различий между более мелкими подговорами.

Гегский диалект можно подразделить на северногегский, восточногегский и южногегский говоры, внутри каждого из которых выделяются подговоры, обнаруживающие большее или меньшее количество специфических черт, главным образом в области фонетики. Южногегский говор, распространенный в центральной части страны, менее резко отличается от тоскского диалекта, чем северногегский и восточногегский говоры. В районах р. Шкумби и нижнего течения Девола выделяется ряд очень интересных для диалектолога переходных подговоров¹⁰.

Нормы литературного языка албанской нации впервые стали складываться в период формирования самой албанской нации — с середины XIX века¹¹. К этому периоду относятся первые шаги в развитии албанского национально-освободительного движения, пробуждение национального самосознания. Ко второй половине XIX в. относится деятельность Константина Кристофориди, Сами и Наима Фрашери, с именами которых связывается эпоха так называемого «национального возрождения» (Rilindje kombëtare) Албании. Конец XIX и начало XX в. были периодом интенсивного творчества ряда выдающихся албанских писателей, периодом горячих споров вокруг проблемы создания единого алфавита, которая выдвигалась в то время на первое место среди вопросов, связанных с развитием литературного албанского языка и единой албанской национальной культуры.

Вместе с вопросом об алфавите поднимался и вопрос о закреплении орфографических норм, непосредственно упиравшийся в проблему диалектной основы литературного языка, которая в дальнейшем приобрела особенно актуальное значение.

Для формирования национального литературного албанского языка характерным явлением уже с самого начала было развитие двух норм — южной, базировавшейся на собственно тоскском диалекте южной Албании и получившей литературную обработку в произведениях Наима Фрашери, Сами Фрашери, Зако Чаюши, и северной, базировавшейся на смешанном северногегском говоре города Шкодер — главного культурного центра северной Албании. С одной стороны — борьба, а с другой стороны — постоянное взаимодействие этих двух норм определили весь дальнейший путь формирования общеалбанской нормы литературного языка.

Для первых десятилетий XX в. трудно определить, которая из них имела преобладающее значение. Можно лишь констатировать медленный, но неуклонный процесс их взаимосближения, который, в частности, находил себе отражение в орфографии, употреблявшейся писателями севера и юга. Орфография приобретала все более и более унифицированный характер.

В то же время литературная норма, созданная на основе шкодранского городского говора, постепенно утрачивала резкие фонетические особенности этого говора и приобретала как бы общегегский характер.

Аналогичный процесс совершался и внутри южной литературной нормы.

¹⁰ См. исследование К. Хаджихасани о говорах района Сулова (Qemal Haxhihasani. Nji vështrim mbi të folmen e krahinës së Sulovës. «Buletin për Shkencat shoqërore», 1955, № 3).

¹¹ Памятники албанской письменности XVI—XVIII вв., а также первой половины XIX в. представляют большой интерес с точки зрения истории албанского языка. Они несомненно сыграли существенную роль, как предпосылки для последующего развития его литературных форм.